

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

А. Л. ЯКОБСОН. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КРЫМ. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Изд-во «Наука». М. — Л., 1964

Необходимость работы, в которой были бы систематизированы и обобщены имеющиеся в настоящее время довольно значительные сведения о крымском средневековье, ощущается давно. Хотя мы располагаем многими исследованиями советских ученых, освещающими те или иные вопросы истории средневекового Крыма, однако все эти работы посвящены отдельным проблемам крымского средневековья и еще не ставили своей задачей дать целостную картину истории Крыма в средние века. Очерки А. Л. Якобсона призваны восполнить этот пробел.

Книга «Средневековый Крым», объемом около 20 печатных листов, включает 150 страниц текста, обстоятельные примечания на 33 страницах, список сокращений и указатель памятников. Книга богато иллюстрирована: 48 рисунков в тексте, 41 таблица и 1 цветная вклейка. Главы книги — их шесть — последовательно освещают те периоды, на которые автор делит крымское средневековье — с V по XVIII в. Несмотря на то, что XVIII в. советская историография относит к периоду нового времени, нам представляется включение его вполне оправданным, так как Крымское ханство в последние десятилетия своего существования, приходящиеся на XVIII в., и экономически, и политически было тесно связано с предшествующим периодом. Резкий перелом в развитии Крыма, отделяющий его средневековую историю от новой, приходится на конец XVIII в., когда он был включен в состав России.

Главы начинаются характеристикой экономической и политической истории края. Будучи крупным специалистом-археологом, А. Л. Якобсон, естественно, основной акцент делает на истории материальной культуры. Обладая широкой эрудицией в рассматриваемом вопросе, автор привлек обширную русскую дореволюционную, советскую, а также отчасти иностранную историческую литературу, использовал богатейшие материалы археологических исследований, среди которых видное место принадлежит его собственным работам.

Автор ставит своей задачей осветить также вопросы, чрезвычайно важные для изучения средневекового периода истории нашей страны: о взаимоотношениях Византии с народами Северного Причерноморья, о нашествиях гуннов, хазар, печенегов, половцев, о связях Таврики с Русью.

Серьезным достоинством данной работы является стремление автора поднять вопрос о взаимоотношениях местного населения и Русского государства с Крымским ханством и Турцией — вопрос, который длительное время замалчивался в исторической литературе.

В исторических обзорах, предпосланных каждой главе, автор создает, пользуясь его словами, «историческую канву для всего последующего изложения». Трудность задачи состояла в том, что начальный период крымского средневековья (V—VII вв.) почти не освещен в письменных источниках, поздние же периоды (XIV—XVIII вв.) связаны с появлением такого обилия письменных свидетельств и почти необозримой в настоящее время литературы о них, которое трудно втиснуть в узкие рамки очерков. Это и объясняет неравномерность объема исторических обзоров: в первой главе он лаконичен, в последующих — занимает несколько более трети их, а в последней главе — почти весь ее объем. Написаны эти историко-обзорные части глав живо и увлекательно, отличаются образностью изложения.

Несмотря на их явно подсобное назначение, собственно исторические (экономические и политические) характеристики представляют собой весьма существенную и важную часть книги. В них автор создает довольно цельную картину истории Крыма в средние века, используя не только уже принятые исторической наукой положения (см. ссылки на работы Н. М. Карамзина, Ю. Кулаковского, Д. И. Иловайского, Б. А. Рыбакова, В. В. Мавродина, а также М. В. Левченко, Е. Э. Лицшиц, А. П. Каждана, М. Я. Сюзюмова и др.), но и выдвигает ряд собственных концепций, стремясь их в той или иной степени аргументировать и обосновать. К ним относятся, например, положения А. Л. Якобсона о том, что основу взаимоотношений Византии и Северного Причерноморья составляли «политические связи», которые лишь «сопровождались торговлей» (стр. 3), что со второй половины IX в. с Таврикой было тесно связано и «молодое Русское государство» (стр. 4). Скучность материалов и источников по истории земледельческих поселений Таврики VII—IX вв. автор стремится компенсировать глубоким анализом имеющихся в его распоряжении археологических данных, рисует экономический и культурный облик этих поселений и даже пытается воссоздать картину господствовавших в них социальных отношений (стр. 30). Автор выдвигает ряд весьма интересных положений. Например, он пишет (стр. 31), что «вряд ли и теперь — в конце VIII в. — народное движение в Юго-Западной Таврике было вызвано хазарами, экспансия которых к тому времени сократилась, ибо хазарский каганат начал клониться к упадку, а сила и влияние его в Таврике ослабели» (см. также прим. 34 на стр. 157—158). Принимая концепцию Ю. Кулаковского, что возникновение пещерных городов в Крыму было связано с иммиграцией сюда из Византии иконопочитателей и развивая далее эту мысль, автор делает вывод (стр. 33), что Херсон являлся «центром идейного сопротивления антимонастырскому курсу византийской политики». Узкие рамки «Очерков» не позволили автору шире аргументировать эти и другие подобные им положения.

К числу неоспоримых достоинств работы А. Л. Якобсона относится то, что он подытожил данные о средневековых поселениях Восточной Таврики, на которые до сих пор не обращалось должного внимания (стр. 34 сл.). В книге всесторонне рассмотрен вопрос о роли Руси в истории Таврики на различных этапах средневековья; большое внимание уделено Тмутараканскому князевству. История средневекового Крыма показана в книге не изолированно, а в органической связи с историей сопредельных стран и особенно Византии. Автор правильно подчеркивает значение Крыма в международной торговле того времени и справедливо отмечает следы иноземных влияний, преимущественно малоазийских, в его ремесле, искусстве, идеологии.

Наряду с очевидными достоинствами в исторических обзорах встречаются досадные погрешности. Не всегда мысль автора выражена достаточно четко. Так, например, не совсем ясно выражение «печенеги, власти южно-русских степей...» (стр. 3). На стр. 6 автор пишет, что «вторжения варваров в северо-восточные провинции Римской империи и в Таврику... заставили римских правителей отвлечь свои силы от полуострова». Каким образом вторжения в Таврику заставили отвлечь силы от полуострова? И если, как пишет автор, «вследствие этого» Боспор «освободился» от римской опеки (стр. 6), то почему же он в результате этого «больше не оправился», «сошел со сцены» (там же)? Непонятно, о каких «гуннских дружинах» говорит автор на стр. 9. А. Л. Якобсон называет заселение готами горного Крыма «событием», вызванным распадом державы Аттилы, в то время как тут же он говорит, что готы «задолго до этого» (?)... «уже вполне обжили этот район» (стр. 9). На стр. 10 автор пишет: «Экономическое оживление Херсона в VI в. сопровождается «определенной натурализацией хозяйства города». Помимо неясности этого выражения самого по себе, утверждение о натурализации хозяйства в VI в. автор не подкрепляет ни археологическими, ни какими-либо другими данными. Считая, что Таврика вновь оказалась в IX—X вв. «под пятой византийского владычества», автор этот же период считает временем «ее (Таврики. — *Рец.*) экономического возрождения» (стр. 57).

К числу неясных положений автора относятся также его слова: «В XIII в. Восточный Крым... стал экономически передовым районом края» (стр. 80). Прежде всего, что имел в виду автор под словами «экономически передовой»? Затем, на какой основе возникло здесь «экономическое преобладание»? Если на основе торговли, то этот экономический подъем имел место лишь в прибрежных портовых городах. Но сам же автор говорит о том, что это были лишь пункты приложения торгово-ростовщического итальянского капитала. С другой стороны, он утверждает, что владычество итальянских купцов и их безудержная эксплуатация «местных производительных сил» «отнюдь не способствовала их развитию» (стр. 80). Далее, на стр. 104 автор говорит об ордах Ногай, в 1299 г. «смерчем пронесшихся по Крыму». Следовало бы пояснить, что «орды Ногай» нельзя смешивать с Ногайской ордой, возникновение которой относится к 40-м годам XV в. Неясно также выражение «Солхату (Крым) в конце XIII и в XIV в. перешла роль старой Сугды» (стр. 105). О какой роли идет речь? На стр. 139 из слов «...сюда (в Кафу. — *Рец.*) ежегодно заходило от 100 до 150 судов, грузивших хлебом», делается вывод, что «основную часть¹ хлеба, которым снабжался Константинополь, составляла пшеница, вывозившаяся из Кафы».

Не совсем удачны, на наш взгляд, и такие выражения А. Л. Якобсона, как «полицимейстер» и «полицейские» Кафы (стр. 112), «греческие помещики» (к стр. 123 прим. 138

на стр. 175), употребляющиеся применительно к XIV в. Автор пишет «грузины и мингрельцы» (стр. 110), «еврейско-караимское население» (стр. 127). В первом случае не следовало бы, пожалуй, разделять грузин и мингрельцев, тогда как во втором случае нельзя объединять две совершенно различные народности. Несколько необычен вводный автором термин «кочевое земледелие» (стр. 131 сл.).

В исторических очерках встречаются некоторые неточности. Так, восстание Фомы Славянина было не в 822—824 (стр. 35), а в 820—823 гг. Солхат расположен не к востоку (прим. 59 на стр. 168), а к западу от Феодосии. На стр. 57 мы читаем: «Большие изменения произошли и в экономической жизни края. Конец IX в. открывает, можно сказать, новую страницу истории Таврики — начало ее экономического возрождения, продолжавшегося весь X в. Собственно, речь идет только (подчеркивает при этом автор. — *Рец.*) о западных (т. е. юго-западных, ибо западные — это районы Керкинитиды. — *Рец.*) районах Крыма...» И далее там же: «Чтобы понять причины экономического подъема Юго-Западной Таврики и самого Херсона, следует прежде всего иметь в виду, что это не было изолированным явлением, наоборот, было отражением широкого процесса, шедшего в Византийской империи с конца IX в....» Совершенно справедливо при этом автор ссылается на А. П. Каждана¹. Безусловно, в X в. наблюдалось возрождение хозяйства Юго-Западного Крыма, которое, являясь также «отражением широкого процесса, шедшего в Византийской империи с конца IX в.», было связано в первую очередь с уходом отсюда хазар. Хотя, по словам автора, «крымскую деревню X в. мы почти не знаем» (стр. 74) из-за скудости источников, он, однако, делает вывод, что «Юго-Западная Таврика, несмотря на оживление ближайшего своего центра — Херсона, находилась в X в. в запустении» (там же). Этот вывод не вяжется ни с приведенными словами автора, ни с действительным положением вещей. На стр. 80 автор пишет: «Вскоре же, в самом конце XII или в начале XIII в., Крым вместе с Херсоном вообще отпал от Византии, захваченной крестоносцами (1204 г.)». Но, во-первых, крестоносцы захватили не всю Византию, а часть ее, во-вторых, Херсон сохранял связи с Трапезундской империей, от которой находился в зависимости. В Улус Джучи не следует включать Китай и Персию (стр. 104). Как известно, Улус Джучи или Золотая Орда, включал лишь земли до Иртыша.

Недоумение вызывают и некоторые другие заявления автора. Так, на стр. 4 он пишет: «Русско-византийская война конца X в. привела к важнейшим последствиям и в области культуры — принятию Русью христианства. Русско-крымская торговля XIV—XV вв. открыла доступ в Московскую Русь потоку восточных товаров...». Прежде всего, о какой «русско-византийской войне» идет речь? Если автор имеет в виду войну 970—971 гг., то она «не привела» к принятию христианства. Если автор имеет в виду чисто демонстративный поход Владимира Святославича на Корсунь, то этот поход нельзя назвать войной. Христианизация Руси была идеологическим выражением процесса феодализации Древнерусского государства и отвечала интересам класса феодалов, а отнюдь не свершилась в результате войны. Нельзя с оглядкой и с тем, что «русско-крымская торговля XIV—XV вв. открыла доступ в Московскую Русь потоку восточных товаров». Не говоря уже о том, что поток восточных товаров шел в Московскую Русь и до XIV в., и не только через Крым (а также через Итиль, Булгар, Сарай-Бату, Сарай-Берке и т. д.), автор сам говорит о торговле Руси с Крымом еще в XIII в. (стр. 79). Несколько странно, что А. Л. Якобсон неосуществленное сватовство дочери владетеля Феодоро Исаака «за сына московского царя (?) Ивана III» (стр. 126) приводит в качестве доказательства «насколько перед лицом турецкой угрозы велик был авторитет Москвы в глазах греческих правителей Крыма...» (там же). Инициатива этого сватовства принадлежала не правительству Феодоро, а великому князю московскому Ивану III, о чем свидетельствует тот самый источник, на который ссылается автор (прим. 160 на стр. 176).

Прежде чем коснуться исторической интерпретации, которую дает А. Л. Якобсон ряду памятников крымского средневековья, следует обратить внимание на некоторые географические неточности, проходящие через весь текст книги, ибо они влекут за собой искажение исторической топографии. Автор именует «горным Крымом» холмистые районы юго-западного предгорья между Вахчисараем и Севастополем, совершенно не учитывая подлинно горный Крым, т. е. Главную горную гряду, ее северные отроги и обширные южные склоны к морю². Между тем, именно она и составляла Таврику в собственном смысле слова. Ничего не говорится в книге о многочисленных памятниках этого района, хотя они-то и обладают тем своеобразием, которое выражает специфические черты крымского средневековья, существование в горах и на побережье политически не зависевших от Византии сельских общин и др. Автор не точен, считая отдельные относительно высокие холмы и скалистые останцы типа Мангуша, Тепе-Кермена и др. неприступными горами, употребляя неправильно понятия термины «нагорье», «горные проходы» и т. п., делая Херсон «центром юго-западного нагорья», «горные проходы», о которых говорит автор — это широко открытые входы в долины рек

¹ См. стр. 57, примеч. 15 на стр. 162.

² Ср. Н. Н. Павлова. Физическая география Крыма. Л., 1964.

Черной, Бельбека, Качи, Альмы. Этими и им подобными ошибками в значительной мере объясняются неясности и противоречия в ряде концепций автора.

В представлении А. Л. Якобсона «длинные стены» Прокопия Кесарийского являются *limes*'ом, якобы созданным Византией для защиты Херсона от чечевнико-степняков (стр. 11 сл.). По традиции (А. А. Васильев, Н. А. Репников, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон) он усматривал этот *limes* в ряде укреплений юго-западного предгорья. Поскольку же у Прокопия «длинные стены» ограждали страну Дори, А. Л. Якобсон помещает ее в том же районе. В действительности же все эти укрепления, большинство которых возникло, кстати говоря, на III—IV столетия позже Юстиниана I и Прокопия, расположены независимо друг от друга и каждое из них тяготеет к своему микрорайону, имеющему четкие естественные границы, внутри которых находился ряд поселений *того же* времени³. Эти разнохарактерные укрепления (города, замки, монастыри) выглядят «системой» только на схеме, подобной приложенной к книге. К сожалению, отсутствие сколько-нибудь точной карты мешает читателю сразу разобраться в этом вопросе. Впрочем, в рецензируемой книге, как и в некоторых других трудах того же автора⁴ отразилась нечеткость его воззрений на пресловутый *limes*. Относя к нему Каламиты, Эски-Кермен, ранний Мангун, Сюйренскую крепость, Чуфут-Кале и др. укрепления (стр. 11, 25, 26), он в пространном примечании (прим. 41 на стр. 153—154) отказывается от отождествления их с «длинными стенами» Прокопия, в то время как выше именно это отождествление дает ему повод говорить о *limes*'е.

Это противоречие влечет за собой другое. А. Л. Якобсон искусственно разрывает на два разных вопроса единый вопрос о стране Дори и об ограждавших ее «длинных стенах». Отказавшись от положения, легшего в основу его локализации Дори, он, тем не менее, оставляет последнюю в том же районе. Получается, что страна Дори лежит вне «длинных стен», вопреки свидетельству Прокопия. Гиперкритика Прокопия, начатая еще А. А. Васильевым, перерастает в данном случае в противоречие, известное в логике как *circulus in demonstratio*.

Непонятно, почему автор, отстаивая свою точку зрения, не упоминает о существовании другой концепции по вопросу о локализации страны Дори, которая была выдвинута еще П. Кепшеном и поддержана В. Г. Васильевским. Кстати говоря, именно точка зрения Кепшена — Васильевского находит все новые подтверждения в результатах полевых исследований последних лет и анализа текста Прокопия⁵.

Мы остановились на данном вопросе несколько подробнее, так как он является одним из краеугольных для истории раннесредневекового Крыма. От его правильного решения зависит все дальнейшее освещение крымского средневековья. Сам автор пишет об укреплениях юго-западного предгорья: «Будучи оторваны от области Дори, они как бы повисают в воздухе, теряют свою историческую почву» (стр. 153). По нашему мнению, как раз наоборот: названные укрепления имеют под собой вполне реальную почву, хотя и не ту, о которой говорит автор⁶. Дело в том, что локализация Дори в другом районе влечет за собой неизбежный пересмотр концепции, по которой Византия в период раннего средневековья якобы полновластно господствовала во всем Крыму и создала для своих нужд все его укрепления. Такой взгляд является спорным, ибо игнорирует местное своеобразие исторического процесса и порожденных им памятников. Так, например, автор, с нашей точки зрения, сильно преувеличивает значение византийских строительных приемов в архитектуре средневекового Крыма (стр. 11, 17, 154 и др.). В ряде случаев единственным доказательством византийской принадлежности сооружений является наличие квадратной вкладки.

В книге А. Л. Якобсона довольно часто встречаются, на наш взгляд, слишком категоричные утверждения. Так, например, автор пишет, что «архитектурная система времен зрелого феодализма» создавала «небольшой замкнутый объем храма, предназначенного для ограниченного круга людей, объединенных социально» (стр. 74). По мнению автора, уже во второй половине IX и X в. эта система храмов сменила старую базиличную систему, которую он даже называет «отжившей» (там же). Но базиличная система продолжает жить как в Крыму, так и во всей христианской Европе не только в IX—X вв., но и значительно позднее; далее: именно зрелый феодализм создал также и огромные по объему храмы, предназначенные для масс верующих. На стр. 27 А. Л. Якобсон именует «северо-причерноморской культурой» ту широкайшую историко-культурную общность, в которую он включает разные варианты родственной по типу керамики — восточнокрымской, таманской, салтовской, саркельской, болгарской — и отмечает в Крыму «дальнейшее развитие этой культуры». Автор при этом не указывает, что этот термин был введен М. А. Фроизуло, который,

³ См. Е. В. Веймарн. Пещерные города Крыма в свете археологических исследований. — СА, № 1, 1958 г.

⁴ См., например, А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л., 1959, стр. 26.

⁵ См. О. Домбровский, Э. Соломоник и П. Шохин. О местонахождении «длинных стен» и страны Дори Прокопия Кесарийского. — Тезисы докладов на Всесоюзном археологическом пленуме в Москве. М., 1958.

⁶ См. Е. В. Веймарн. Указ. соч.

однако, видит в Крыму не дальнейшее развитие, а один из истоков этой культуры. Изображая горы и южное побережье Крыма накануне присоединения его к России как пустой безлюдный край (стр. 150), автор забывает, что именно в это время и именно отсюда русское самодержавие для подрыва экономики Крымского ханства переселило в Приазовье огромную массу христианского населения.

В главе V при освещении истории итальянских колоний автор недостаточно, по нашему мнению, использует выводы советских историков, специально занимавшихся этим вопросом, — Е. Ч. Скржинской, М. К. Старокадомской, И. А. Гольдшмит, А. М. Чипериса — и почему-то игнорирует исследования и публикации некоторых зарубежных ученых — М. Маловиста, Г. Братияну, Р. Лопеца и др.

Наиболее сильной стороной книги А. Л. Яковсона является освещение археологического материала, хотя местами, как нам представляется, автор обходит данные, не укладывающиеся в его концепцию. Так, упоминая о весьма существенных разногласиях в датировке некоторых из основных памятников Херсона (базилик, мозаичных полов, фресок), он отсылает читателя к своей более ранней работе — «Раннесредневековый Херсонес». Но в этой работе на указанных автором страницах вместо аргументированной критики взглядов его научных противников мы находим лишь недостаточно обоснованные фактами отрицание их мнений. В другом случае он ссылается на статью Е. Н. Жеребцова «К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса»⁷. Однако в этой статье нет ни разрезов, ни стратиграфических данных, без чего в археологии, как известно, нельзя датировать памятник.

В других случаях, особенно когда автор описывает результаты своих собственных археологических исследований в Херсонесе и Байдарской долине, он глубоко аргументирует выводы и приводит массу свежего и первоклассного материала. Городская планировка и архитектура, ремесло и искусство Херсона, его торговые и культурные связи с Закавказьем и Средней Азией выпукло показаны на многочисленных и разнообразных памятниках, удачно подобранных и умело сгруппированных. Автор дает краткое, но полное, свободное от тяжеловесных перечислений изложение своих прежних трудов по средневековому Херсону. Местами его описания поднимаются до уровня литературно-художественного очерка.

В краткой рецензии на книгу А. Л. Яковсона невозможно подробнее рассмотреть все ее достоинства и недостатки. Большую часть последних можно было бы отнести в адрес не только автора, но и научного редактора книги и издательства. Но по совершенно непонятным причинам в «Очерках истории и истории материальной культуры средневекового Крыма» имя специалиста-историка, редактировавшего эту книгу, не указано.

Тем не менее, при всех указанных выше недостатках, рецензируемая книга ценна обилием впервые суммированных археологических данных, обширным библиографическим аппаратом, хорошими и многочисленными иллюстрациями. При достаточно критическом отношении к исторической части этого труда и порою спорным выводам автора, книга принесет пользу всем, занимающимся изучением истории средневекового Крыма.

С. А. Секиринский, К. К. Когонашвили

Г. ЦАНКОВА-ПЕТКОВА. ЗА АГРАРНИТЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВНА БЪЛГАРИЯ XI—XIII В.

София, 1964, 210 стр.

Книга болгарской исследовательницы Г. Цанковой-Петковой посвящена одной из важнейших проблем болгарской истории. Достаточно широки и хронологические рамки монографии — она охватывает почти четверть социально-экономической истории болгарского средневековья. Этой теме в послевоенный период уделялось значительное внимание как в болгарской историографии, так и в исторической науке других стран. Однако разработка поставленных в книге проблем еще далека от своего завершения, и автор с полным основанием говорит о необходимости вести «дальнейшие исследования в этом направлении» (стр. 6).

Книга Г. Цанковой-Петковой состоит из введения, двух глав и заключения. Во введении автор дает суммарную характеристику историографии вопроса, кратко излагает экономическую и политическую историю Болгарии с начала XI до середины XIII в. и перечисляет основные типы своих источников. Здесь же исследовательница говорит о задачах своей работы. Признавая, что феодализм в Болгарии окончательно сложился в XI—XII вв. под непосредственным влиянием более развитой византийской экономики, Г. Цанкова-Петкова пишет, что «этот сложный вопрос не был до сих пор предметом специального исследования. Его изучение является

⁷ ВВ, XXIII, 1963, стр. 205—213.